

А Цзю недоумевал: «Нет? Чего нет? Мелкий Фань твердил "не я, не делал", чтобы отпереться. А тебе-то что отпираться? Я похвалил тебя за ум, и это тебя обидело?»

Тан Шаотан уже готов был сказать «нет», но проглотил слово, подумав: если снова ответить отрицательно, неизвестно, в какую ещё странную сторону А Цзю повернёт эту мысль.

Он замолчал, не желая спорить.

Но А Цзю не отставал. Воспользовавшись своим врождённым талантом запутывать и давить, он продолжал: «Самоуверенных дураков я повидал немало, а вот умников, самих свою умность не сознающих, — таких редко встретишь».

Человек, себя недооценивающий, какие бы таланты в нём ни скрывались, если он сам в себя не верит, будет слепо подчиняться другим и легко станет марионеткой в чужих руках.

А Цзю мысленно усмехнулся: Павильон Радужных Одежд и впрямь умеет «воспитывать».

С точки зрения Павильона Ушоу, Тан Шаотан, не ведающий о своём уме, был куда удобнее для использования. Прямо сейчас незачем было раскрывать ему глаза.

Однако...

А Цзю цыкнул и тут же, словно отшлёпав сам себя, принялся разбирать: «Во-первых, я лишь спросил старого каменщика о сыне, ничего не объясняя, а ты уже всё понял и привёл того. Во-вторых, перед смертью молодой каменщик указал на пацана, и даже сам пацан поверил, что это он. А ты сразу смекнул, что, скорее всего, речь о Фань Мине. Видно, что соображаешь быстро, действуешь хладнокровно и мыслишь ясно».

Он похлопал Тан Шаотана по плечу, с напускной серьёзностью заключая: «Ты умён. Раз уж я так сказал, просто поверь, ладно?»

Чёрт, не похвалить — рука не поднимается, обязательно надо!

Тан Шаотан: «...»

Тан Шаотан рос среди сомнений. Даже преуспев в музыке, шахматах, каллиграфии и живописи, даже достигнув невиданных боевых высот, в устах Главы Павильона и тётушки Чань он оставался лишённым искры, тупым и необучаемым булыжником. Стоило допустить малейшую оплошность — и он становился совершенно никудышным. Прожив с сознанием собственной «глупости» больше двадцати лет, он вряд ли изменит мнение о себе из-за нескольких слов А Цзю.

Но в этой настойчивой, почти навязчивой похвале он уловил каплю мягкости, тёплую, как весенний ветерок.

И от этого ему стало как-то не по себе.

А Цзю: «?»

Увидев, что Тан Шаотан отводит взгляд и, кажется, всё ещё сомневается, А Цзю развёл руками, сдался и сменил тему: «Ладно, у тебя же были ко мне вопросы? Спрашивай».

Смотрел на меня весь день, умник, давай же.

Тан Шаотан сжал губы, слегка выдохнул и тихо спросил: «Почему он вдруг стал отвечать на всё?»

Хотя А Цзю и пригрозил отцом того человека, всё вышло слишком гладко, почти подозрительно.

А Цзю моргнул: «Перед смертью человек добреет?»

Гу* разделялись на ранги, и высшие подавляли низших. Слово Главы Павильона, стоявшего на вершине, было для подчинённых высшим приказом. Если он спрашивал, они отвечали без утайки.

Тан Шаотан: «...»

А Цзю бесстыдно соврал: «Наверное, хотел, чтобы мы пощадили его старика-отца. Хм, настоящий сын, до слёз трогательно».

На лице Тан Шаотана явственно читалось: «Чушь». Он молча смотрел на А Цзю.

А Цзю: «Вопросы закончились?»

Тан Шаотан: «...»

Врёшь — и хватит?

А Цзю: «Тогда теперь моя очередь».

Тан Шаотан: «?»

Только что подумавшись, А Цзю тут же, ни капли не смущаясь, толкнул локтем насупившегося Тан Шаотана и потребовал: «Есть что поесть?»

Тан Шаотан медленно повернул голову, взглянул на него и парировал: «Ты же сам говорил, что всё, что я ем, ношу и использую, — от тебя».

Раз так, к чему спрашивать, есть ли у меня еда?

А Цзю: «...»

— Ты ешь моё, носишь моё, значит, должен меня слушаться.

Кажется, и вправду так говорил.

А Цзю удивился: «Ты уже умеешь мне перечить? У кого это ты научился?»

Тан Шаотан: «...»

У тебя.

А Цзю: «?»

Не стал всерьёз отвечать на вопрос, обиделся?

Обиделся — и ладно, он, почтенный Глава Павильона, никого утешать не станет, баловать нельзя.

А Цзю скривился и направился в дом старика Нью.

Фань Сяо, только что уложивший старика Нью, присел на табурет отдохнуть. Не успел он как следует устроиться, как кто-то шлёпнул его по голове.

«Эй, пацан, есть что поесть?»

Фань Сяо: «...»

Можно без рук?

Подначенный А Цзю, Фань Сяо и вправду почувствовал лёгкий голод. Он послушно достал из кармана два аккуратно завернутых холодных лепёшки, собираясь предложить: «Может, разделим?»

Не успев вымолвить и слова, он краем глаза заметил Тан Шаотана за дверью, задумался, как же поделить две лепёшки на троих, а А Цзю уже выхватил обе и с невозмутимым видом принялся есть.

Фань Сяо смотрел на него в полном недоумении: «???»

Зачем тебе две?

А Цзю, не обращая внимания, продолжал уплетать лепёшки, не собираясь делиться.

Фань Сяо не выдержал: «Ты же взрослый, как не стыдно у ребёнка отбирать? Тебе лепёшек не хватало?»

Обычно Фань Сяо, общаясь со сверстниками или смотрящими на него свысока старшими, любил казаться взрослее, держался с видом «я не ребёнок, я многое понимаю». Но перед А Цзю почему-то не мог сдержаться и то и дело напоминал, что он ещё дитя.

Наверное, потому что столь бесстыдного и нелогичного взрослого он встречал впервые.

А Цзю спросил в ответ: «Ты голоден?»

Фань Сяо честно признался: «Нет».

Есть хочется, но не сильно.

А Цзю с непоколебимой уверенностью заявил: «Ты не голоден, а я голоден. Значит, я съем, а потом отдам».

Фань Сяо, никогда не слышавший подобной софистики, словно поперхнулся, хотя во рту у него и не было ни крошки.

Наконец, надувшись, он пробурчал: «Ты что, вообще не ел?»

А Цзю, отламывая куски лепёшки и отправляя их в рот, кивнул, глядя в глаза и беззастенчиво вряя: «Ага».

Тан Шаотан, стоявший поодаль, бросил на него взгляд и благоразумно сделал вид, что ничего не слышит.

А Цзю в мгновение ока расправился с обеими лепёшками и, наклонившись, спросил, нагляя: «Ещё есть?»

Фань Сяо подпрыгнул: «Нет! Как ты так много ешь!»

А Цзю: «Точно нет? Осторожно, проголодаюсь — съем тебя».

Фань Сяо пробормотал: «Ты же не оборотень, чтобы детей есть».

А Цзю, сложив руки на затылке и глядя в небо, сказал: «Почти что».

Услышав это, Тан Шаотан обернулся и уставился на А Цзю, не моргая.

А Цзю, ничуть не смутившись, встретил его взгляд и спросил: «Чего уставился? Тебя съесть, что ли?»

Тан Шаотан: «...»

Авторское примечание:

Спасибо за чтение! Буду рад, если добавите в закладки, чтобы читать дальше!

Взглянул на черновики и план — по сравнению с моими уже законченными весёлыми историями, этот текст выходит очень длинным.

Тан Шаотана есть нельзя, так что А Цзю придётся искать другой способ.

Он проворно прошёлся по комнате, сделав несколько шагов, и уже лениво облокотился на дверной косяк. Большим пальцем он ткнул в сторону кухни, глядя то на Тан Шаотана, то на Фань Сяо, и наконец перешёл к сути: «Тут и плита есть, и дрова, и посуда, и овощи с мясом. Кто из вас будет готовить?»

Фань Сяо тут же выпалил: «Я — молодой господин, я не умею готовить!»

У меня есть деньги, а не кулинарные навыки.

А Цзю с сожалением взглянул на Фань Сяо, и оба, словно сговорившись, одновременно повернулись к Тан Шаотану у двери.

Остаётся только ты.

Тан Шаотан: «...»

Так уж вышло, что все выходцы из Павильона Радужных Одежд умели и в зал выйти, и на кухне управляться. Тан Шаотан не был исключением. Он не только умел готовить, но и знал больше хитростей, чем обычные люди: жарка, варка, тушение, запекание — всё ему было по плечу. Особенно хорошо удавались ему супы: он чувствовал огонь, был терпелив, и бульоны получались у него густыми, наваристыми, ароматными, способными в мгновение ока прогнать сырой зимний холод.

Вспоминая детство, он часто с товарищами пробирался на кухню — то овощи засолит, то мясо замаринует, разведёт огонёк, поджарит что-нибудь. Трепеща от страха, чтобы их не заметили

взрослые из Павильона, они вполголоса строили планы на будущее. Увы, это будущее оказалось не для всех. Весёлые, живые лица из памяти постепенно исчезли, и остался он один, потерявший вкус ко всему.

<http://bllate.org/book/16258/1462582>